

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ
ДОБРО ЗЪЛО
изъ книги „*exercitia spiritualia*“

Δοκεῖ, ἢ ἀνάγκη ἀμετάλειστον τι εἶναι.

Аристотель, *Метаф* 1015 а 32

Если вы будете имѣть вѣру въ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда сюда; и она перейдетъ и не будетъ для васъ ничего невозможнаго (καὶ οὐδὲν ἀδυνατήσῃ ὑμῖν).

Матв. XVII, 20

I

О догматизмѣ. Въ догматизмѣ неприемлемо отнюдь не то, что онъ, какъ говорятъ, произвольно утверждаетъ недоказанныя положенія. Можетъ быть какъ разъ наоборотъ: и произволь, и пренебреженіе къ доказательствамъ, располагали бы людей къ догматизму. Вѣдь что бы тамъ не говорили, люди по природѣ своей больше всего любятъ произволь и покоряются доказательствамъ только потому, что не въ силахъ преодолѣть ихъ. Такъ что въ догматизмѣ можно было бы усмотрѣть великую хартію человѣческихъ вольностей. Но онъ какъ разъ этого боится больше всего на свѣтѣ и всячески старается прикинуться такимъ же послушнымъ и разумнымъ, какъ и другія ученія. Это лишаетъ его всякаго очарованія. Больше того: вызываетъ къ нему отвращеніе. Ибо, разъ скрываетъ — значитъ стыдится и другимъ велитъ стыдиться. Стыдиться свободы и независимости — развѣ такое можно простить?

II

С в ѣ т ь з н а н і я. Сальери, рассказываетъ Пушкинъ, повѣрилъ алгеброй гармонию, но «творить» ему не было дано и онъ удивлялся, даже негодовалъ, почему Моцарту, который такой повѣркой не занимался, удалось подслушать райскія пѣсни, а ему, Сальери, не удалось. Какъ будто выходитъ, что онъ былъ правъ. «Гуляка праздный» попадаетъ уже на землѣ хоть въ преддверіе рая, а добросовѣстный труженникъ все ждетъ у моря погоды — и не дождется. Но въ старой книгѣ сказано: пути Господа

неисповѣдимы. И, когда то люди понимали это, понимали, что путь въ обѣтованную землю не открывається тому, кто повѣряеть алгеброй гармонию, вообще тому, кто «провѣряеть». Авраамъ пошелъ, самъ не зная, куда идетъ. А, если бы сталъ провѣряеть — никогда бы не дошелъ до обѣтованной земли. Стало быть провѣрки, оглядки — «свѣтъ» знанія — не всегда ведетъ къ лучшему, какъ насъ учили и учать думать.

Ш

П р и н у д и т е л ь н ы я и с т и н ы . Огромное большинство людей не вѣрятъ истинамъ той религій, которую они исповѣдуютъ: еще Платонъ говорилъ — *τοῖς πολλοῖς ἀπιστία παρέχει* — толпѣ присуще невѣріе. Поэтому, имъ нужно, чтобъ окружающіе вѣрили въ то-же, во что они официально вѣрятъ и говорили то-же, что они говорятъ: только это и поддерживаетъ ихъ въ ихъ «вѣрѣ», только въ окружающей ихъ средѣ они находятъ источники, изъ которыхъ черпаютъ твердость и крѣпость своихъ убѣжденій. И, чѣмъ менѣе убѣдительными кажутся имъ откровенныя истины, тѣмъ важнѣе для нихъ, чтобъ этихъ истинъ никто не оспаривалъ. Оттого обычно самыя невѣрующіе люди — самыя нетерпимыя. Такъ что, если критеріумомъ обыкновенныхъ научныхъ истинъ является возможность сдѣлать ихъ для всѣхъ обязательными, то для истинъ вѣрѣ приходится сказать, что онѣ только въ томъ случаѣ есть настоящія истины, если онѣ могутъ и умѣютъ обходиться безъ согласія людей, когда онѣ равнодушны и къ признанію и къ доказательствамъ. Положительныя религій, однако, такія истины не очень высоко расцѣнивають. Онѣ хранятъ и ихъ, т. к. безъ нихъ обойтись не могутъ, но опираются на такія истины, къ которымъ всякого можно принудить и даже истины откровенія ставятъ подъ охрану закона противорѣчія, чтобъ онѣ были не хуже всякой другой истины. Католичеству, какъ извѣстно, охрана закона противорѣчія показалась недостаточной и оно выдумало инквизицію, безъ которой, конечно, оно не сыграло бы своей огромной исторической роли. Оно охраняло себя «нетерпимостью» и даже ставило себѣ въ заслугу свою нетерпимость — ему и на умъ не приходило, что то, что нуждается въ защитѣ закона противорѣчія или палачей и тюремщиковъ находится за предѣлами божественной истины и что спасаетъ людей то, что, на наши мѣрки представляется наиболѣе слабымъ, непрочнымъ и незащищеннымъ. Въ противоположность истинамъ позна-

нія истины вѣры узнаются по тому признаку, что онѣ не знаютъ ни всеобщности, ни необходимости, ни сопутствующей всеобщности и необходимости принудительности. Онѣ свободно даются, свободно принимаются, ни предъ кѣмъ не отчитываются, никѣмъ не регистрируются, никого не пугаютъ и сами никого не боятся.

IV

Автономная мораль. Автономная мораль получила, какъ извѣстно, свое наиболѣе полное и законченное выраженіе въ ученіи Сократа, утверждавшаго, что добродѣтель не нуждается въ воздаяніи, и что — все равно, смертна или бессмертна душа — хорошій человѣкъ получаетъ все, что ему нужно отъ «добра». Но, я думаю, что Сократъ (какъ и Кантъ, который въ «критикѣ практическаго разума» шелъ по стопамъ Сократа) не былъ достаточно послѣдователенъ и что «добро» такими изъясненіями покорности не удовлетворится. Нужно сдѣлать еще одинъ шагъ, нужно признать, что бессмертіе души совсѣмъ не для чего «хорошему» человѣку — и отъ бессмертія совсѣмъ отказаться. Т.-е. признать, что Сократъ — смертенъ, ибо уже здѣсь на землѣ получилъ отъ «добра» все, чего онъ могъ желать, а бессмертенъ Алкивіадъ и ему подобные, которымъ «добро» ничего не даетъ или даетъ очень мало и которые существуютъ по волѣ иного начала, въ этой, земной, жизни не успѣвающаго осуществить свои обѣщанія и откладывающаго неосуществленное до встрѣчи въ иной жизни. Такое признаніе, только такое признаніе можетъ дать настоящее удовлетвореніе «добру» и положить конецъ спорамъ объ автономной и гетерономной морали. Люди типа Сократа, добровольно пріевшіе «добро» за высшее начало тоже добровольно отказываются и отъ загробной жизни, имъ совершенно не нужной, въ пользу людей типа Алкивіады, которые, какъ подчиненные иному началу, чѣмъ Сократовское добро, вправѣ и ждать и требовать себѣ продолженія существованія и послѣ смерти. Конечно, съ точки зрѣнія Сократа, Алкивіады все-таки прогадаютъ: сто самыхъ счастливыхъ и удачныхъ жизней безъ «добра» не стоятъ одной, самой трудной и горестной, но въ добрѣ. А философія, наконецъ, сможетъ торжествовать свою полную побѣду: и Сократы, и Алкивіады получатъ полное удовлетвореніе и всякіе споры прекратятся.

V

Мышленіе и бытіе. Чѣмъ больше приобретаемъ мы положительныхъ знаній, тѣмъ дальше мы отъ тайнъ жизни. Чѣмъ больше совершенствуется механизмъ нашего мышленія, тѣмъ труднѣй становится намъ подойти къ истокамъ бытія. Знанія отягчаютъ насъ и связываютъ, а совершенное мышленіе превращаетъ насъ въ безвольныхъ, покорныхъ существа, умѣющія искать, видѣть и цѣнить въ жизни только «порядокъ» и установленныя «порядкомъ» законы и нормы. вмѣсто древнихъ пророковъ, говорившихъ, какъ власть имѣющіе, нашими учителями и руководителями являются ученые, полагающіе высшую добродѣтель въ послушаніи не ими созданной и никого и ничего не слушающей необходимости.

VI

Четвертое Евангеліе. Когда въ четвертомъ Евангеліи «доказывается» божественность Іисуса и доказывается тѣми же способами, какими у грековъ доказывалась всякая истина, ссылками на факты, діалектикой и моральными соображеніями, основанными на томъ, что, какъ училъ еще Сократъ, съ добрымъ человѣкомъ не можетъ приключиться ничего дурного, а дурному не дано проникнуть въ область «добра» или, какъ потомъ учили стоики, что *summum bonum* въ томъ, что «зависитъ отъ насъ», чувствуется, что авторъ подъ напоромъ фактовъ и связанныхъ съ фактами очевидностей усомнился во всемогуществѣ Божіемъ и старается скрыться отъ дѣйствительности, убѣжавъ отъ міра, въ которомъ онъ, пока въ немъ остается, принужденъ не повелѣвать и распоряжаться, а слушаться и покорствоваться. Іисусъ «не отъ міра сего» и его царство «не отъ міра сего» — ибо съ этимъ міромъ онъ не въ силахъ справиться. То-же чувство опредѣлило собой исканія и ученія гностиковъ и Маркіона. Іисусъ четвертаго Евангелія не Богъ, не сынъ Божій, пришедшій къ людямъ и распоряжающійся міромъ, а человѣкъ, такой же слабый и безпомощный, какъ и тѣ, къ которымъ онъ пришелъ, но только постигшій свою немощность и невозможность измѣнить или подчинить себѣ не имъ созданнаго «онтологическія категоріи» и потому принявшій великое и страшное рѣшеніе отвернуться разъ навсегда отъ міра, ему непокорнаго и уйти въ міръ, имъ самимъ созданный и ему послушный. Въ этомъ «благая вѣсть» четвертаго

Евангелія, въ этомъ смыслѣ «поклоненія въ духѣ и истинѣ». Оттого четвертое Евангеліе такъ любятъ и цѣнятъ невѣрующіе (Фихте, Гегель, Ренанъ, Гарнахъ, Толстой) и оттого оно внушало такой ужасъ вѣрующимъ или желавшимъ вѣрить и иной разъ (Нитше, Розановъ) отторгало совсѣмъ отъ Св. Писанія. Но вѣдь Св. Писаніе — не четвертое Евангеліе. И Христость христіанства не немощный Богъ. Есть еще псалмы, пророки, синоптическія евангелія, посланія, апокалипсисъ. Апокалипсисъ есть откровеніе того-же Св. Іоанна, который является авторомъ четвертаго Евангелія, хоть историки и не признаютъ этого. И не нужно тоже считаться съ тѣмъ, что богословы всегда преимущественно опирались на четвертое Евангеліе. Богословіе, вѣдь есть наука о вѣрѣ. А наука должна «доказывать» и, стало быть, безъ разумныхъ доводовъ обойтись не можетъ, вѣри́те, всегда сводить «откровеніе» къ разумнымъ доводамъ: богословію нуженъ не Богъ, а *verbum Dei* и *Deus dixit*.

VI

Свое и чужое. Когда человѣкъ глядитъ на «свое», онъ его «понимаетъ» и даже одобряетъ. Но чужое, хотя оно такое же, какъ свое, часто представляется ему отвратительнымъ. Свои раны мы разглядываемъ, отъ чужихъ отворачиваемся. Когда же мы научаемся быть объективными, намъ и свое начинаетъ казаться такимъ же противнымъ, какъ чужое. Стало быть? Можетъ быть два стало быть: или нужно бросить объективность или научиться чужое разглядывать, какъ свое, не бояться чужихъ ранъ и чужого безобразія. Объективность вовсе не есть несомнѣнный путь къ истинѣ. И страхъ — всегда плохой совѣтчикъ.

VII

Порокъ нашего мышленія. Въ теоріи познанія царствуетъ идея необходимости, въ этикѣ — потускнѣвшая и ослабѣвшая необходимость: долженствованіе. Иначе современная мысль не можетъ сдвинуться съ мѣста.

IX

У д а ч и и н е у д а ч и. Платонъ утверждалъ, что древніе, блаженные мужи были лучше насъ и жили ближе къ Богу. Похоже, что это правда. Во всякомъ случаѣ, кто изучалъ исторію философіи никакъ не скажетъ, что тысячелѣтнія напряженнѣйшія исканія человѣческаго ума приблизили насъ къ послѣдней истинѣ, къ вѣчнымъ источникамъ бытія. Но эта тысячелѣтняя, ни къ чему не приводящая и потому многимъ кажущаяся напрасной борьба человѣческой души съ вѣчной тайной можетъ служить порукой, что постигающія философію неудачи не обезкуражатъ людей и на будущее время. Приближаемся ли мы къ Богу или отдаляемся, становимся-ли мы лучше или хуже нашихъ далекихъ и близкихъ предковъ, — отъ исканій, отъ борьбы намъ не дано отказаться. По прежнему будутъ неудачи, но по прежнему неудачи не остановятъ новыхъ попытокъ. Человѣку нельзя остановиться, нельзя перестать искать. И въ этомъ сизифовомъ трудѣ — великая загадка, которую намъ тоже врядъ ли удастся разгадать, но которая невольно наводитъ на мысль, что въ общей экономіи человѣческаго дѣланія удачи не всегда имѣютъ опредѣляющее и рѣшающее значеніе. Положительныя науки привели къ несомнѣннымъ и огромнымъ результатамъ, метафизика не дала ничего прочнаго, ничего вѣрнаго. И все-же, можетъ быть, метафизика въ какомъ то смыслѣ нужнѣе и значительнѣе положительныхъ наукъ, и неудачныя попытки продвинуться въ область вѣчно для насъ скрытаго цѣннѣе удачныхъ попытокъ изучить то, что лежитъ на виду, и, при нѣкоторой настойчивости, открывается всѣмъ людямъ. Если это такъ, то кантовскія возраженія противъ метафизики сами собой отпадаютъ. Метафизика не дала ни одной общеобязательной истины — это правда. Но это не есть возраженіе. «По самой своей природѣ» метафизика не хочетъ и не должна давать общеобязательныя истины. Того больше: въ ея задачи входитъ обезцѣнивать и тѣ истины, которыя науками добываются и самую идею общеобязательности, какъ признака истины. Такъ что, если уже пошло на то, чтобы, какъ хотѣлось Канту, свести на очную ставку метафизику съ положительными науками, то вопросъ нужно обернуть и спросить приблизительно такъ: метафизика, отыскивая источникъ бытія, не нашла всеобщей и необходимой истины; положительныя науки, изслѣдуя то, что изъ этого источника вытекло, нашли много «истинъ». Не значить-ли это, что истины положи-

тельныхъ наукъ есть истины ложныя, или, по крайней мѣрѣ, скоропреходящія, мгновенныя?..

Я думаю, что послѣ Канта нельзя подходить къ философіи или проблемамъ, не освободившись предварительно отъ созданнаго имъ гипноза о связи и взаимоотношеніяхъ метафизики и положительныхъ наукъ. Въ противномъ случаѣ всѣ наши попытки судить о послѣднихъ вопросахъ бытія заранѣе осуждены на бесплодіе. Мы все будемъ бояться неудачъ и, вмѣсто того, чтобъ приближаться къ Богу, будемъ уходить отъ Него. Всѣ вѣроятія, что Платонъ именно потому и считалъ древнихъ мужей блаженными, что они были свободны отъ страховъ предъ положительными истинами и не знали еще тѣхъ цѣпей познанія, которыя онъ такъ мучительно чувствовалъ на себѣ.

Х

Э м п и р и ч е с к а я л и ч н о с т ь . Тѣ рѣдкія мгновенія, когда очевидности теряютъ власть надъ человѣкомъ, какъ использовать ихъ для философіи? Они предполагаютъ особаго рода душевныя состоянія, при которыхъ то, что всегда намъ кажется наиболѣе значительнымъ, существеннымъ, даже единственно реальнымъ, вдругъ начинаетъ казаться неважнымъ, ненужнымъ, даже призрачнымъ. А философія хочетъ быть объективной и пренебрегаетъ «душевыми состояніями». Значитъ, если погонишься за объективностью — неизбежно попадешь въ лапы самоочевидностей, захочешь освободиться отъ самоочевидностей, придется, прежде всего, вопреки традиціямъ, пренебречь объективностью. Конечно, вообще говоря, никто на послѣднее не пойдетъ. Всякому лестно добыть такую истину, которая хоть немножко, хоть чуточку будетъ истиной для всѣхъ. Только наединѣ съ собой, подъ непроницаемымъ покровомъ тайны индивидуальнаго бытія (эмпирической личности) мы иногда рѣшаемся отречься отъ тѣхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ правъ и преимуществъ, которыя намъ даются принадлежностью къ общему для всѣхъ міру. Тогда вспыхиваютъ предъ нами послѣднія и предпослѣднія истины — но онѣ намъ самимъ кажутся больше похожими на сновидѣнія, чѣмъ на истины. Мы легко забываемъ ихъ, какъ забываемъ сновидѣнія. А, если и сохраняемъ о нихъ смутныя воспоминанія, то не знаемъ, что дѣлать съ ними. Да, по правдѣ сказать, съ такими истинами и дѣлать нечего. Развѣ что пере-

водить ихъ на музыку словъ и ждать, пока другіе, которые только по наслышкѣ, а не по собственному опыту, знаютъ о такого рода видѣніяхъ, придадутъ имъ форму сужденій и, убивши ихъ, сдѣлаютъ ихъ всегда и для всѣхъ нужными, т. е. понятными и тоже «очевидными». Но, это, вѣдь, будутъ совсѣмъ не тѣ истины, которыя намъ открылись. И онѣ уже принадлежать не намъ, а всѣмъ, тому «всѣмству», которое такъ ненавидѣлъ Достоевскій и которое Соловьевъ, другъ и ученикъ Достоевскаго, желая угодить традиціонной философіи и традиціонному богословію, подъ менѣе одіознымъ названіемъ соборности, сдѣлалъ краугольнымъ камнемъ своего міровоззрѣнія. Тутъ и выявляется основная противоположность между «мышленіемъ» Достоевскаго съ одной стороны и мышленіемъ той школы, въ которой получилъ свою выучку Соловьевъ. Философія Достоевскаго была бѣгствомъ отъ всѣмства къ себѣ. Соловьевъ же, наоборотъ, бѣжалъ отъ себя ко всѣмству. Для него живой человѣкъ, то, что школа называетъ эмпирической личностью, казался главнымъ препятствіемъ на пути къ истинѣ. Онъ думалъ или, лучше сказать, утверждалъ (кто можетъ знать, что человѣкъ думаетъ?), какъ и тѣ, у которыхъ онъ учился, что пока не выкорчуешь изъ себя своей «самости» (т. е. не преодолѣешь и не уничтожишь своей эмпирической личности) истины не увидишь. А Достоевскій зналъ, что Истина открывается эмпирической личности и только эмпирической личности...

XI

Д і а л е к т и к а . Мышленіе, училъ Платонъ, есть неслышная бесѣда души съ собой. Конечно, если мышленіе есть мышленіе діалектическое. Тогда, даже оставаясь наединѣ, человѣкъ не можетъ молчать и продолжаетъ разговаривать: ему все мерещится противникъ, которому нужно что-то доказать, котораго нужно убѣдить, принудить, вырвать у него согласіе. Послѣдній великій платоникъ, Плотинъ, однако такого мышленія уже не выносилъ. Онъ хотѣлъ истинной свободы, при которой ни самъ не принуждаешь, ни тебя не принуждаютъ. И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, представленіе о такой свободѣ есть только фантазія? И, наоборотъ, развѣ идея принуждающей необходимости, которой живетъ діалектика, такъ уже непреоборима? Конечно, доказывать и принуждать можетъ только тотъ, кто взялъ въ руки мечъ необходимости. Но, поднявшій мечъ отъ меча и погиб-

нетъ. Кантъ только потому и могъ погубить метафизику, что метафизика хотѣла принуждать. И до тѣхъ поръ, пока метафизика не рѣшится бросить оружіе, она будетъ оставаться рабой и прислужницей положительныхъ наукъ. Мышленіе не есть бесѣда души съ собой, мышленіе есть, вѣрнѣе можетъ быть, много большимъ, чѣмъ бесѣда и обходится безъ діалектики. Объ этомъ сказано у Пушкина: Онъ вырвалъ грѣшный мой языкъ, и празднословный и лукавый.

XII

И д е я в с е е д и н с т в а . Мы живемъ и въ тѣснотѣ, и въ обидѣ. Просторнѣ намъ не дано устроиться и, потому, мы стараемся завести порядокъ, чтобъ хоть поменьше обидь было. Но, зачѣмъ приписывать Богу, который не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, ни чѣмъ инымъ такую же любовь и такое же уваженіе къ порядку? Почему вѣчно говорятъ о всеединствѣ? Если Богъ любитъ людей, для какой надобности ему покорять ихъ своей божественной волѣ — и отнимать у нихъ собственную волю, самое драгоценное изъ того, чѣмъ онъ ихъ одарилъ? Нужды нѣтъ никакой. Стало быть идея всеединства есть идея совершенно ложная, т. к. философія обычно безъ этой идеи обойтись не можетъ, то — второе стало быть — наше мышленіе поражено тяжелой болѣзью, отъ которой мы должны стараться всѣми силами избавиться. Мы все заботимся о гигиенѣ нашей души, въ увѣренности, что нашъ разумъ здоровый. Но, начинать надо съ разума — и разумъ долженъ возложить на себя цѣлый рядъ обѣтовъ. И первый обѣтъ — воздержанія отъ слишкомъ широкихъ притязаній. О единствѣ или даже о единствахъ — куда ни шло — ему еще разговаривать не возбраняется. Но отъ всеединства — придется отказаться. И потомъ еще кой отъ чего. И какъ облегченно вздохнуть люди, когда они вдругъ убѣдятся, что живой, настоящій Богъ ни мало не похожъ на того, котораго имъ до сихъ поръ показывалъ разумъ.

XIII

Ч т о т а к о е и с т и н а ? Говорить предъ камнями, въ надеждѣ, что они, наконецъ, грянутъ тебѣ, какъ св. Бедѣ, аминь? Или предъ животными, въ расчетѣ, что твой даръ очаруетъ ихъ — вѣдь когда-то Орфей обладалъ такимъ даромъ — и они поймутъ? Люди, вѣдь, навѣрное,

даже не услышать: они такъ заняты — дѣлаютъ исторію — до истины-ли имъ! Всѣ знаютъ, что исторія куда важнѣе, чѣмъ истина. Отсюда новое опредѣленіе истины: истина есть то, что проходитъ мимо исторіи и чего исторія не замѣчаетъ.

XIV

Л о г и к а и г р о м ы . Феноменологія, говорятъ вѣрные ученики Гуссерля, не знаетъ различія между homo dormiens (спящимъ человѣкомъ) и homo vigilans (бодрствующимъ человѣкомъ). Не знаетъ, конечно, — и в этомъ незнаніи источникъ ея силы и убѣдительности: оттого она напрягаетъ всѣ свои силы, чтобъ обезпечить себѣ эту *docta ignorantia*. Ибо, какъ только она почувствуетъ, что не то, что homo vigilans — бодрствующій человѣкъ (такихъ на землѣ, повидимому, никогда не было), но даже человѣкъ только начинающій пробуждаться отъ сна *toto coelo* отличенъ отъ спящаго — конецъ всѣмъ ея благополучіямъ. Спящій человѣкъ стремится, сознательно и бессознательно, видѣть въ условіяхъ, въ которыхъ протекаютъ его сновидѣнія, единственно возможные условія бытія. Поэтому онъ ихъ называетъ самоочевидностями и всячески оберегаетъ и защищаетъ ихъ (логика, теорія познанія: дары разума). Когда же наступаетъ моментъ пробужденія (доносятся раскаты грома: откровеніе) приходится усомниться въ самоочевидностяхъ и начать ни на чемъ не основанную борьбу съ ними, т. е. дѣлать то, что спящему представляется предѣломъ безсмыслицы — вѣдь ничего безсмысленнѣе и быть не можетъ, чѣмъ отвѣчать на логику громами..

XV

П р о т а г о р ь и П л а т о н ь . Протагоръ утверждалъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, Платонъ — что Богъ. На первый взглядъ представляется, что истина Протагора есть истина низкая, а Платона — возвышенная. Но, вѣдь, самъ же Платонъ въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что боги не философствуютъ, не ищутъ мудрости — ибо они мудры. А что такое философствовать, искать истину? Развѣ это не все равно, что «мѣрить» вещи? И развѣ такое занятіе, въ самомъ дѣлѣ, не больше приличествуетъ слабымъ и немудрымъ смертнымъ, чѣмъ могущественнымъ и всезнающимъ богамъ?

XVI

Задачи философии. Философы стремятся «объяснить» миръ, чтобъ все стало виднымъ, прозрачнымъ, чтобъ въ жизни ничего не было или было бы какъ можно меньше проблематическаго и таинственнаго. Не слѣдовало-ли бы, наоборотъ, стремиться показывать, что даже тамъ, гдѣ все людямъ представляется яснымъ и понятнымъ, все необычайно загадочно и таинственно? Самимъ освободиться и другихъ освободить отъ власти понятій, своей опредѣленностью убивающихъ тайну. Вѣдь истоки, начала, корни бытія — не въ томъ, что обнаружено, а въ томъ, что скрыто: *Deus est Deus absconditus*.

XVII

Возможное и невозможное. Круглый квадратъ или деревянное желѣзо есть бессмыслица и стало быть есть невозможное, ибо такія сочетанія понятій сдѣланы вопреки закону противорѣчія. А отравленный Сократъ не есть бессмыслица и стало быть такое возможно, ибо на такое соединеніе понятій законъ противорѣчія далъ свое соизволеніе. Спрашивается: нельзя ли упросить или заставить законъ противорѣчія измѣнить свои рѣшенія? Или нельзя ли найти такую инстанцію, которая вправѣ отмѣнить его постановленія? Такъ, чтобъ вышло, что отравленный Сократъ — есть бессмыслица и стало быть Сократа не отравили, а деревянное желѣзо не есть бессмыслица и стало быть возможно, что гдѣ нибудь деревянное желѣзо и разыщется. Или даже такъ: уступить закону противорѣчія и желѣзо, и квадратъ — пусть онъ себѣ тутъ распоряжается, какъ хочетъ — но на условіи, чтобъ онъ призналъ, что отравленный Сократъ тоже заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и потому Сократа, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ, никогда не отравляли. Такими вопросами должна была бы быть озабочена философія и, въ прежнія времена, она ими была озабочена. Но, сейчасъ о нихъ совершенно забыли.

XVIII

Единое на потребу. Равняйте пути Господу! Какъ равнять? Соблюдать посты, праздники? Отдавать десятину или даже все

имущество бѣднымъ? Умерщвлять свою плоть? Любить ближняго? Читая ночи на пролетъ старыя книги? Все это нужно, все это хорошо, конечно. Но не это главное. Главное научиться думать, что, если бы всѣ люди, до послѣдняго человѣка, были убѣждены, что Бога нѣтъ — это ровно ничего не значить. И, если бы можно было доказать какъ дважды два четыре, что Бога нѣтъ — это тоже ничего не значило бы. Скажутъ, что такого нельзя требовать отъ человѣка. Конечно, нельзя! Но Богъ всегда требуетъ отъ насъ невозможнаго и въ этомъ его главное отличіе отъ людей. Или можетъ наоборотъ — не даромъ вѣдь сказано, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Божию — не отличіе, а сходство съ человѣкомъ. Человѣкъ вспоминаетъ о Богѣ, когда хочетъ невозможнаго. За возможнымъ онъ обращается къ людямъ.

ХІХ

Неумѣстныя вопрошанія. Я знаю, говорить бл. Августинъ, что такое время, но когда меня спрашиваютъ, что такое время, я не умѣю отвѣтить, и выходитъ, что я не знаю. И то, что Августинъ говоритъ о времени, можно о многомъ сказать. Есть разныя вещи, о которыхъ человѣкъ знаетъ, пока его не начинаютъ или онъ самъ себя не начинаетъ допрашивать. Знаетъ человѣкъ, что такое свобода, но спросите его, что такое свобода, онъ запутается и не отвѣтитъ вамъ. Знаетъ онъ тоже, что такое душа — но психологи, т. е. ученые, люди, особенно твердо убѣжденные, что спрашивать всегда полезно и умѣстно, дошли до того, что создали «психологію безъ души». Изъ этого бы слѣдовало заключить, что наши методы розысканія истины не такъ уже безупречны, какъ мы привыкли думать — и что иной разъ неумѣніе отвѣтить на вопросъ свидѣтельствуешь о знаніи, а нежеланіе спрашивать — о близости къ истинѣ: но такого заключенія никто не дѣлаетъ. Это значило бы смертельно обидѣть Сократа, Аристотеля, всѣхъ современныхъ составителей книгъ «науки о логикѣ», а съ сильными міра, мертвыми и живыми, кому охота ссориться?

XX

Еще о неумѣстныхъ вопрошаніяхъ. Среди безчисленныхъ апріорныхъ или самоочевидныхъ истинъ, которыми, какъ всѣ ду-

мають держитися, но въ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, запуталась человѣческая мысль, наиболѣе прочно установилось положеніе, что вопросы задаются только для того, чтобъ получить на нихъ отвѣты. Когда я спрашиваю, который часть, чему равна сумма угловъ въ треугольникѣ, каковъ удѣльный вѣсъ ртути, справедливъ-ли Богъ, свободна-ли воля, безсмертна-ли душа, я хочу — такъ ясно всякому — чтобы мнѣ на всѣ эти вопросы дали точные отвѣты. Но вопросъ вопросу — розь. Кто спрашиваетъ, который часть или каковъ удѣльный вѣсъ ртути, тому точно нужно и достаточно, чтобъ ему опредѣленно отвѣтили. Но,* кто спрашиваетъ справедливъ-ли Богъ или безсмертна-ли душа, тотъ хочетъ совсѣмъ другого — и ясные и отчетливые отвѣты приводятъ его въ бѣшенство или отчаяніе. Какъ это растолковать людямъ? Какъ объяснить имъ, что гдѣ-то, за какой то чертой человѣческая душа на столько перестраивается, что даже «механизмъ» мышленія становится инымъ? Или, вѣрнѣе сказать, что хоть мышленіе и сохраняется, но для механизма совсѣмъ не остается мѣста.

XXI

М о р а л ь р а б о в ъ и г о с п о д ь . Сократъ повиновался своему демону и при немъ былъ демонъ, который имъ распоряжался. Алкивиадъ-же, хоть онъ и очень чтилъ Сократа, повидимому, демона при себѣ не держалъ или, если и держалъ, то не повиновался ему. Спрашивается, какъ быть философіи, которая хочетъ установить «феномень» морали и описать его? Равняться по Сократу или по Алкивиаду? Если по Сократу, то присутствіе демона и готовность безпрекословно исполнять всѣ его велѣнія будетъ считаться признакомъ нравственнаго совершенства, и Алкивиадъ попадетъ въ разрядъ безнравственныхъ людей. Если по Алкивиаду — получится обратное: осудятъ Сократа. Вопросъ, надѣюсь, законный. Тоже надѣюсь, что традиціонной философіи съ нимъ никогда не справиться. Оттого она его и не ставитъ. Иными словами, прежде чѣмъ описывать феномень морали, она уже знаетъ и что такое мораль и какъ ее описывать нужно. Но, вѣдь, можетъ быть, что Алкивиада съ Сократомъ никакъ не загонишь въ одну категорію. *Non pari conditione creantur omnes: aliis vita aeterna, aliis damnatio aeterna praeordinatur.*¹⁾ Сократу

¹⁾ Не всѣ люди создаются одинаково: однимъ предназначена вѣчная жизнь, другимъ вѣчная гибель. (Кальвинъ).

полагается (дано) идти на поводу у демона, Алкивиаду полагается (дано) вести демона за собой. Нитше былъ гораздо ближе къ христіанству, когда говорилъ о морали рабовъ, чѣмъ это казалось его обличителямъ.

XXII

В ы б о р ь . Появленіе челоуѣка на землѣ есть нечестивое дерзновеніе. — Богъ создалъ челоуѣка по своему образу и подобию и, создавши, благословилъ его. Если вы примете (изберете) первое положеніе — вашей философской задачей будетъ катарсисъ, т. е. стремленіе выкорчевать изъ себя свою «самость». Основная проблема ваша будетъ проблема этическая и онтологія вами будетъ пониматься, какъ нѣчто производное отъ этики: бытіе окажется въ границахъ мышленія. Идеаломъ вашимъ будетъ царство разума, доступъ къ которому открыть всякому, кто готовъ пренебречь дарами Бога, видя, по примѣру Гегеля, въ нихъ «насиліе надъ духомъ». Если примете второе положеніе, плоды съ дерева познанія добра перестанутъ прельщать васъ, вы будете рваться «по ту сторону добра и зла», васъ вѣчно будетъ тревожить анамнезисъ (воспоминаніе) о томъ, что видѣлъ первый челоуѣкъ, вашъ отдаленный предокъ и торжественные гимны разума и разуму будутъ вамъ казаться скучными пѣснями земли, а его истины — стѣнами тюрьмы. Плотинъ стыдился своего тѣла, библейскіе люди стыдились и боялись своего разума. Есть всѣ основанія думать, что Нитше оттого отвернулся отъ современнаго христіанства, что оно видѣло въ разумѣ, какъ Спиноза, *lucem divinam et donum maximum* и истолковало библейское сказаніе о грѣхопадении въ томъ смыслѣ, въ какомъ грѣхопаденіе понималось Эллинами. Я бы сказалъ то-же и о Достоевскомъ, но мнѣ никто не повѣритъ. Всѣ убѣждены, что Достоевскій написалъ только нѣсколько десятковъ страницъ — объ старцѣ Зосимѣ, Алешѣ и тѣ статьи въ «дневникѣ писателя», въ которыхъ онъ своими словами излагаетъ мысли славянофиловъ, а «Записки изъ подполья», «Сонъ смѣшнаго челоуѣка», «Кроткую» и вообще девять десятыхъ того, что напечатано въ полномъ собраніи его сочиненій написано не имъ, а какимъ то «господиномъ съ ретроградной физиономіей» и только для того, чтобъ Достоевскій могъ должнымъ образомъ возразить ему.

XXIII

Оглядка. Наше мышленіе есть, по самому существу своему, оглядка — по нѣмецки *Besinnung*. Оно родилось изъ страха, что за нами, подъ нами, надъ нами есть что-то, что намъ угрожаетъ. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ только человѣкъ начинаетъ оглядываться, онъ «видитъ» страшное, опасное, грозящее гибелью. Но, если — согласятся сдѣлать такое допущеніе? — страшное только тогда и тому страшно, кто оглядывается? Голова Медузы ничего не можетъ сдѣлать человѣку, который идетъ впередъ и не оглядывается и превращаетъ въ камень всякого, кто повернется къ ней лицомъ. Мыслить, не оглядываясь, создать «логику» не оглядывающегося мышленія — пойметъ-ли когда нибудь философія, поймутъ-ли философы, что въ этомъ первая и насущнѣйшая задача человѣка, — путь къ «единому на потребу»? Что инерція, законъ инерціи, лежащій въ основѣ оглядывающего мышленія съ его вѣчными страхами предъ возможностью неожиданнаго никогда не выведетъ насъ изъ того полусоннаго почти растительнаго существованія, на которое мы обречены исторіей нашего духовнаго развитія?

XXIV

Комментарій къ предыдущему. Еще за десять лѣтъ до опубликованія «Критики чистаго разума», Кантъ писалъ своему другу Герцу: «*in der Bestimmung des Ursprungs und der Gültigkeit unserer Erkenntnisse Deus ex machina das Ungereimteste ist, was man nur waehlen kann, das ausser dem betrüglichen Zirkel in der Schlussreiche noch das Nachteilige hat, dass er jeder Grille oder andaechtigen oder grüblerischen Hirngespinst Vorschub gibt*». И еще: «*Zu sagen, dass ein höheres Wesen in uns schon solche Begriffe und Grundsätze (т. е., что Кантъ называетъ «синтетическія сужденія a priori») weislich gelegt habe heisst alle Philosophie zugrunde richten*». И вся «критика чистаго разума», все «міровоззрѣніе» Канта покоится на этомъ фундаментѣ. Откуда взялась у Канта увѣренность, что *Deus ex machina* или «höheres Wesen» есть самое нелѣпое допущеніе, принятіе котораго разрушило бы въ самомъ основаніи философію? Кантъ, какъ извѣстно, неоднократно самъ повторялъ, что метафизическія проблемы сводятся къ проблемамъ Бога, безсмертія души и

свободы. Но, послѣ такой подготовки, что можетъ философія сказать о Богѣ? Разъ впередъ извѣстно, что *Deus ex machina*, онъ-же *das höhere Wesen* есть нелѣпѣйшее допущеніе, разъ человѣкъ впередъ «знаетъ», что допустить вмѣшательство высшаго существа въ жизнь значитъ положить конецъ всякой философіи — метафизикѣ уже больше и дѣлать нечего. Ей уже впередъ внушили, что Богъ — а вслѣдъ за Богомъ и безсмертіе души, и свободная воля есть произвольная выдумка и фантазія (*Hirngespinnst und Grille*), а стало быть и сама метафизика есть тоже только чистѣйшій произволь и фантазія. Но, опять спрошу, кто внушилъ Канту (а, вѣдь, Кантъ — это «всѣ мы», Кантъ говоритъ за «всѣхъ насъ») такую увѣренность? Кого спросилъ онъ про *Deus ex machina*, т. е. про *höheres Wesen*? Отвѣтъ одинъ: Кантъ философію понималъ (тоже, какъ и всѣ мы), какъ оглядку, какъ *Besinnen*. Оглядка же предполагаетъ, что то, на что мы оглядываемся, имѣетъ навѣки неизмѣнную структуру, и что ни человѣку, ни «высшему существу» не дано вырваться изъ власти не имъ и не для него заведеннаго «строю бытія». Каковъ бы ни оказался этотъ самъ собой заведшійся порядокъ — онъ есть неизмѣнно-данное, которое нужно принять и съ которымъ нельзя бороться. Самая идея борьбы Канту (и намъ всѣмъ) кажется бессмысленной и недопустимой. Недопустимой не только потому, что мы заранѣе обречены на пораженіе, что такая борьба безнадежна — но и еще потому, что она безнравственна, свидѣтельствуешь о возмущенности, мятежности, корыстности нашей (капризъ, своеволие, фантазія — говоритъ Кантъ, которому, какъ и всѣмъ намъ, внушено и потому доподлинно извѣстно, что все это куда хуже чѣмъ необходимость, покорность, закономѣрность). И, дѣйствительно, стоитъ оглянуться какъ сразу становится виднымъ (интуиція), что нельзя и не должно бороться, что нужно покориться. «Вѣчный порядокъ», точно обвитая змѣями голова Медузы, парализуетъ не только человѣческую волю, но и человѣческій разумъ. И, т. к. философія всегда была и поднесъ продолжаетъ быть «оглядкой», то всѣ наши послѣднія истины оказываются не освобождающими, а связывающими истинами. Философы много говорили о свободѣ, но почти никто изъ нихъ не смѣлъ желать свободы и всѣ искали необходимости, которая полагаетъ конецъ всякимъ исканіямъ, ибо ни съ чѣмъ не считается (*ἡ ἀνάγκη ἀμετάλητον τι εἶναι* — такъ формулировалъ Аристотель). Бороться съ Медузой и ея змѣями (аристотелевская *ἀνάγκη*, внушившая и ему, и Канту такой страхъ предъ ка-

призомъ и фантазіей) можетъ только тотъ, кто найдетъ въ себѣ смѣлость идти впередъ, не оглядываясь. И, стало быть, философія должна быть не оглядкой, не *Besinnen*, какъ мы приучены думать, — оглядка есть конецъ всякой философіи, — а дерзновенной готовностью идти впередъ, ни съ чѣмъ не считаясь, и ни на что не оглядываясь. Оттого божественный Платонъ говорилъ: *πάντα γὰρ τοῦμῆτεον* — на все нужно дерзать, не боясь, прибавлялъ онъ, прослыть безстыднымъ. Оттого и Плотинъ оставилъ намъ завѣтъ: *ἀγὼν μέγιστος καὶ ἔσχατος ταῖς ψυχαῖς πρόκειται* — великая и послѣдняя борьба предстоитъ душамъ. Философія — есть не *Besinnen*, а борьба. И борьбѣ этой нѣтъ и не будетъ конца. Царство Божіе, какъ сказано, берется силой.

XXV

Обладающіе сознаниемъ камни. Спиноза утверждалъ, что если бы камень обладалъ сознаниемъ, то ему казалось бы, что онъ падаетъ на землю свободно. Но Спиноза ошибался. Если бы камень обладалъ сознаниемъ, то онъ былъ бы увѣренъ, что падаетъ въ силу необходимости каменной природы всего сущаго. «Изъ этого слѣдуетъ», что идея необходимости только и могла возникнуть и окрѣпить въ одаренныхъ сознаниемъ камняхъ. И, т.к. идея необходимости пустила столь глубокіе корни въ человѣческихъ душахъ, что представляется вѣмъ премірной и первозданной, — безъ нея-же невозможно ни бытіе ни мышленіе — то изъ этого тоже слѣдуетъ заключить, что огромное, подавляющее число людей — не люди, какъ это кажется, а обладающіе сознаниемъ камни. И это большинство, эти одаренные сознаниемъ камни, которымъ все равно, но которые мыслятъ, говорятъ и дѣйствуютъ по законамъ ихъ каменнаго сознанія, они то и создали то окруженіе, ту среду, въ которой приходится жить всему человѣчеству, т. е. не только обладающимъ и не обладающимъ сознаниемъ камнямъ, но и живымъ людямъ. Борьбѣ съ большинствомъ очень трудно, почти невозможно, особенно въ виду того, что камни болѣе приспособлены къ условіямъ земнаго существованія и всегда легче выживаютъ. Такъ что людямъ приходится примѣняться и подлаживаться къ камнямъ и признавать за истину, даже за добро то, что кажется истинной и добромъ каменному сознанію. Похоже, что приведенныя размышленія Канта о *Deus ex machina*, какъ и Спинозовская *sub specie aeter-*

nitatis seu necessitatis, какъ и всѣ наши идеи о принуждающей истинѣ и принуждающемъ добрѣ внушены живымъ людямъ смѣшавшимися съ ними одаренными сознаниемъ камнями.

XXVI

De servo arbitrio. Хотя, по преданію, Сократъ, читая первыя произведенія Платона, сказалъ: сколько этотъ юноша налагалъ на меня, все же Платонъ и много правды о Сократѣ намъ разсказалъ. Тонъ и содержаніе защитительной рѣчи Сократа переданы, по моему, въ «Апологию» правильно. Навѣрное, Сократъ сказалъ судьямъ своимъ, что принимаетъ ихъ приговоръ. Очевидно, онъ, по требованію своего демона, принужденъ былъ покориться приговору, который считалъ несправедливымъ и возмутительнымъ, и покориться не внѣшне, а внутренно. И все же, если Сократъ и покорился, насъ это ни мало не обязываетъ къ покорности. За нами остается право, и, — кто знаетъ? — даже возможность отбить Сократа у судьбы — вопреки всему, что онъ говорилъ, даже вопреки его желанію. Противъ его воли вырвать его изъ рукъ афинянъ. И, если мы (или не мы, а кто нибудь, кто насъ посильнѣй) насильно вырвали его, будетъ-ли это значить, что мы отняли у него «свободу воли»? Какъ будто отняли: не спрашивая его, вопреки ему вырвали. И все же «воли» мы у него не отняли — вернули ему... *Sapienti sat* или нужно еще разъяснять? Если не достаточно — прибавлю: все ученіе Лютера о *servo arbitrio*, Кальвина о предопредѣленіи и даже Спинозы о «необходимости», только къ тому и шло, чтобы отогнать отъ Сократа его демона, который внушалъ ему, что судьбѣ нужно покоряться не за страхъ, а за совѣсть. Аристотель, конечно, правъ, утверждая, что необходимость не слушаетъ убѣжденій. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что необходимость нужно возлюбить всѣмъ сердцемъ и всей душой, и подчиняться ей за совѣсть? За страхъ — дѣло иное, но совѣсть всегда будетъ противъ всякаго принужденія. И «наша совѣсть», совѣсть, которая учитъ «покоряться» и «примираться» есть только загримированный и переодѣтый страхъ. Такъ что, если намъ удастся отогнать отъ Сократа его демона, если мы (или опять: не мы, намъ такая задача не по плечу) насильно вырвемъ его изъ рукъ и власти «исторіи», мы только вернемъ ему свободу, которую живой человѣкъ, въ глубинѣ своей души (въ той глубинѣ, до которой свѣтъ «нашей совѣсти» и всѣ «наши» свѣты никогда не доходятъ и гдѣ власть демоновъ кончается) больше все-

го на свѣтѣ цѣнить и любить — цѣнить и любить даже тогда, когда клеймить ее во всеуслышаніе, какъ произволь, капризъ или корысть.

XXVII

Добро зѣло. Въ книгѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ философовъ мы читаемъ: «die alte ontologische Wahrheit, das die Erkenntniss der Möglichkeiten der der Wirklichkeiten vorhergehen müsse... ist eine grosse Wahrheit» (Husserl, Ideen, 159). Точно, ученіе древнее, очень древнее. Когда Аристотель утверждалъ, что ἡ ἀνάγκη ἀμετάληστον τι εἶναι¹⁾ онъ исходилъ изъ этой онтологической истины. Отъ своихъ великихъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ непоколебимое убѣжденіе, что есть граница возможнаго и что на этой границѣ поставлена бдительная и неусыпная ἀνάγκη,²⁾ которой нѣтъ ни до чего дѣла и которая не пускаетъ человѣка туда, гдѣ находится то, что ему больше всего на свѣтѣ нужно. Аристотель и самъ порой тяжело вздыхалъ подъ бременемъ этой ничего не слышашей необходимости: «все насильно (навязанное) называется необходимостью (τὸ γὰρ βίαιον ἀναγκαῖον λέγεται) и потому обидно, какъ и говорить Эвдѣй: «всякое испытанное принужденіе больно и обидно» (Met, 1015a 30). Но, по поговоркѣ — стерпится, слюбится, Аристотель сперва примирился съ необходимостью, а потомъ возлюбилъ и сталъ всячески прославлять ее. Пармениδης, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, ἀναγκαζόμενος ἀκολουθεῖν τοῖς φαινομένοις: Парменидъ, принужденный слѣдовать за явленіями, (Met, 986b 25), и въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ же Парменидѣ и другихъ великихъ философахъ, опять пишетъ: ἀναγκαζόμενοι ὑπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας (т. е. принуждаемые самой истиной). Идея истины для него (а послѣ него и для всѣхъ насъ) сливается съ идеей необходимости. Необходимость принуждаетъ, и истина принуждаетъ. Необходимость ничего не слушаетъ и не слышитъ, и истина ничего не слушаетъ и не слышитъ. И святая обязанность философа (Парменида и др.) покорствоваться необходимости, ибо только черезъ добровольную покорность необходимости, которой до насъ нѣтъ никакого дѣла, мы можемъ придти къ истинѣ, которой тоже до насъ нѣтъ никакого дѣла. И уже не больно и не обидно покоряться, а радостно и пріятно. Такъ училъ

1) Необходимость не слушаетъ убѣжденій.

2) Необходимость.

Аристотель, такъ учили и учать всѣ философы — вплоть до нашихъ современниковъ. Истина, опираясь на необходимость, принуждаетъ, Парменидь, не будучи въ состояніи преодолѣть необходимость, покоряется: въ этомъ вся древняя и новая «мудрость» — т. е. все «знаніе» и вся «добродѣтель» смертныхъ.

Но есть другая, тоже очень древняя, еще болѣе древняя «мудрость». Въ Книгѣ Книгъ написано: «если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда; и она перейдетъ и не будетъ для васъ ничего невозможнаго» (οὐδὲν ἀδυνατήσῃ ὑμῖν, Мат. 17, 20, Марѣ 11, 23, Лук. 1, 6). По слову человѣка, будутъ передвигаться горы и не будетъ для него ничего невозможнаго. Такъ что не Παρμενίδης, ἀναγκαζόμενος ὑπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας — не Парменидь будетъ принуждаться истиной, а истина будетъ идти покорно за Парменидомъ. Гдѣ правда? У Аристотеля или въ Книгѣ Книгъ? И философія, которая стремится пройти къ «началамъ, истокамъ, ριζώματα πάντων, къ корнямъ всего» (такъ опредѣляетъ философію Гуссерль — и это тоже очень древнее опредѣленіе) — чего должна добиваться и искать она: п о з н а н і я возможнаго и невозможнаго, принудительно навязываемаго безразличной ко всему ἀνάγκη или того чудеснаго горчичнаго зерна, при которомъ принуждающее познаніе становится излишнимъ, ибо не будетъ ничего невозможнаго? Куда, къ кому, съ этимъ вопросомъ обратиться? Я в н о , ч т о некуда и не къ кому: всѣ инстанціи пройдены. Стало быть? Но, вѣдь, и всѣ «стало быть» тоже позади остались, вмѣстѣ съ 'Ανάγκη.¹⁾ Гдѣ нѣтъ ничего не слышавшей 'Ανάγκη, тамъ кончаются и нудящія «стало быть». Тамъ уже говоритъ не Παρμενίδης ἀναγκαζόμενος, не нудимый Парменидь, не принуждаемый, — а Парменидь принуждающей, повелѣвающей и надъ самой истиной, и надъ скрывающейся подъ истиной 'Ανάγκη. Тамъ по слову, по волѣ, по капризу живого человѣка сдвигаются горы. Тамъ не только для Бога, но и для васъ — ὑμῖν — для простыхъ смертныхъ кончается принужденіе, тамъ нѣтъ ничего невозможнаго... Тамъ прозвучало и продолжаетъ понынѣ звучать чудесное и мощное, но нашему уху неслышное и нашему разуму ничего не говорящее добро зѣло.

1) Необходимостью.